

КУРИЛКА
ГУТЕНБЕРГА

ЛОНГ-ЛИСТ премии «Просветитель»

Артём Космарский

ТРЕТИЙ РЕЙХ

16 историй
о жизни
и смерти

Аванта

Артём Космарский
Третий рейх. 16 историй
о жизни и смерти
Серия «Библиотека Гутенберга»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69149623

Третий рейх. 16 историй о жизни и смерти: Издательство АСТ; М.;

2022

ISBN 978-5-17-112326-0

Аннотация

Книга антрополога и научного журналиста Артёма Космарского состоит из серии очерков, в основе которых лежат материалы новейших исследований, опубликованных авторитетными историческими изданиями. Жизнь и смерть в нацистской Германии и на оккупированных территориях рассматриваются автором сквозь призму микроистории — ярких локальных сюжетов. Выбранные темы новы и непривычны для российского читателя: арийский футбол, бокс в концлагерях, экономика оккупированной Украины, споры нацистских магов и просветителей... Однако с помощью столь конкретных и выразительных примеров автору удалось наглядно продемонстрировать, как работала система власти Третьего рейха, как думали и действовали чиновники и военные и,

наконец, как взаимодействовали с властями и выкручивались из сложных ситуаций обычные люди.

Для широкого круга читателей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие научного редактора	7
Введение	15
Часть I. Режим за работой	21
1. Блицкриг на футбольном поле: как в Германии перестраивали спорт на национал- социалистический лад[2]	21
Еврейская и пацифистская система «дубль- вэ»	23
Нападение и оборона	28
Реванш рейхстренера	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Артём Анатольевич Космарский Третий рейх. 16 историй о жизни и смерти

© Космарский А. А., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Артём Космарский – антрополог, научный журналист, старший научный сотрудник Института исследований куль-

туры (НИУ ВШЭ). Готовил материалы по истории, антропологии, социологии и другим социогуманитарным наукам для ведущих СМИ России: *Lenta.ru*, *Gazeta.ru*, *Indicator.ru*. Работал научным редактором и переводчиком исторической литературы в издательстве «Альпина нон-фикшн» и Издательском доме «Дело» РАНХиГС.

Предисловие научного редактора

Нацисты натворили столько бед, что человечество будет вспоминать о них еще долго. Третий рейх был и остается предметом пристального внимания ученых, художников, политиков и обычных людей. Это в высшей степени странное государство многие считают образцово-показательной империей зла, высокоорганизованным социальным организмом, который при определенном стечении обстоятельств вполне мог «сожрать» всех людей и воцариться над миром. Однако при ближайшем рассмотрении потенциал рейха выглядит не таким уж мощным. Если тот факт, что нацистское государство было воплощением зла, не вызывает никаких сомнений, то к его блестящим перспективам имеет смысл отнестись весьма скептически. Почему? Ответы на этот вопрос пытливый читатель найдет в книге Артёма Космарского. Нужно просто внимательно ее читать.

Книга, которую вы держите в руках, представляет собой сборник очерков, на первый взгляд не связанных друг с другом: теория арийского футбола и судьба одинокой немецкой девушки, взаимоотношения рейха с исламом и бокс в концлагерях и так далее. Однако, несмотря на разнообразие тем и некоторую эклектичность, тексты создают интереснейший эффект: они показывают существование практически неработающей системы. Перевернутая пирамида, у которой вер-

шина не внизу, а вверху.

Эта маленькая вершина – Адольф Гитлер – тиран и абсолютный властелин, который почти никогда не формулирует четких и однозначных приказов. Вокруг него постоянно крутятся минимум пять адъютантов из различных ведомств: партии, вермахта, СС, имперских министерств. Все они записывают каждое слово фюрера, чтобы угадать его пожелания, претворить их в жизнь и скорее об этом доложить. Все. Одновременно. Пишутся приказы, разрабатываются десятки инструкций, ведется яростная подковерная борьба с доносами и «подставами». Все ненавидят друг друга: Геринг – Геббельса, Розенберг – Гиммлера и так далее. Человек рейхсфюрера, гауляйтер Грейзер, пишет Гитлеру доносы на товарища по борьбе – гауляйтера Форстера. Фюрер не вмешивается. А вопрос-то важный – германизация присоединенных к рейху польских территорий. Даже по этой проблеме не существует единого мнения, единых правил, единого регламента. Выглядит как комедия, но для простого люда все эти разногласия означают только страдания и кровь.

Р. Гесс, Г. Гиммлер, Ф. Боулер, Ф. Тодт и Р. Гейдрих (слева направо) на выставке «Планирование и построение нового порядка на Востоке»

Но почему же при таком руководстве все это работало? На мой взгляд, автор дает ответ и на этот вопрос, хотя не ставил перед собой такой цели. Беда в том, что нацистам достался «тот» народ. И повинны в этом вовсе не Гитлер с его приспешниками, а победители в Первой мировой войне, которые подвергли немцев таким унижениям, что те готовы были на союз хоть с самим Сатаной. Собственно, его они и получили. Все прошло как в голливудском фильме «Ослепленный желаниями» 1967 года (где дьявол исполняет все же-

лания героя, но издевательским образом). Гитлер заманил немцев обещанием реванша, дал его им, а взамен те получили тотальную войну, «бомбенкриг» и неисчислимые страдания. Впрочем, память о мучениях после Версаля и патриотический подъем 1930-х годов настолько сплотили немцев, что любое действие союзников имело результат ровно противоположный планируемому. Все это накладывалось на зараженность идеологией, природную дисциплинированность и хорошие исполнительские качества. В результате, как ни запутывали нацистские руководители дело (которое каждый из них понимал по-своему), как ни усложняли процесс выполнения задач (которые никто однозначно не формулировал), на «последней миле» всегда оказывались исполнители, сглаживавшие своим рвением все неровности. Система работала. А теперь сравните все это с советской классической пирамидой: четкие, ясные распоряжения отдаются на самом верху и доходят до уровня непосредственного исполнителя, снабженные простыми и доступными инструкциями. Это было необходимо по той простой причине, что с конечным исполнителем в СССР дела обстояли плохо: не хватало квалифицированных кадров.

Еще один важный фактор, на который обращает внимание автор, – некая нетоталитарность тоталитаризма в Третьем рейхе. Гестапо не реагирует на доносы о явной неблагодонадежности, если в этих доносах нет маркеров, провоцирующих сотрудников тайной полиции на какие-либо дей-

ствия. Некрупный партийный функционер без команды решает «ариизировать» популярный вид спорта, устраивает многомесячную дискуссию в прессе и даже пытается саботировать общегосударственные спортивные мероприятия. Конечно, эти факты скорее исключения из правил, но они очень хорошо иллюстрируют тот самый управленческий хаос, царивший в нацистской Германии. При этом тоталитаризм в рейхе был самым настоящим. Все зависело от того, кто руководил процессами. Вот в Имперском министерстве народного просвещения и пропаганды, которым руководил Йозеф Геббельс, никакой самостоятельности не было и в помине. Подчиненные Геббельса боялись случайно на его искалеченную ногу взглянуть – где уж тут думать о самовыражении и корректировке партийной линии? Более того, в ведомстве Геббельса на любой случай существовали жесткие и четкие инструкции.

Интересно показывает автор противоречие между официальным национал-социалистическим патриархатом и той ролью в освобождении немецких женщин, которую сыграли необходимость пополнять рабочей силой заводы и жестокие бомбовые налеты союзников. В результате рейх из патриархального государства, где женщинам отводилась роль домохозяек или живых инкубаторов для разведения пушечного мяса, превратился в страну матерей, жен и сестер, фактически взявших на себя управление народной жизнью. Но случилось это уже в последние годы войны.

Награждение Почетным крестом немецкой матери

Разумеется, Артём Космарский не обошел вниманием и самые темные стороны Третьего рейха – холокост, концлагеря и коллаборационизм. Он попытался ответить на вопросы: почему в страшном львовском погроме участвовали не только украинские националисты, что немцы хотели найти на Украине, по каким причинам военнопленные записывались в вооруженные силы Третьего рейха.

Большим откровением для многих читателей станет статья, посвященная организации боксерских поединков в концлагерях. Представители старшего поколения наверняка помнят повесть Георгия Свиридова «Ринг за колючей проволокой», где рассказывается о военнопленном советском боксере, который попал в Бухенвальд и вынужден был принимать участие в поединках с охраной. Как выяснилось, многие подробности организации таких поединков советский писатель не выдумал. Соревнования по боксу в немецких лагерях действительно больше напоминали бои без правил. О нацистских концлагерях, кстати, известно, что в большинстве из них царил такой же хаос, как и во всей рейхе (конечно, были исключения вроде прекрасногодушного идеалиста и, можно сказать, гуманиста, Рудольфа Хёсса – коменданта Аушвица, который навел в деле истребления евреев просто невероятный порядок).

В книге упоминается термин «нулевой час» (как обозначение полного краха немецкого общества после поражения Германии в 1945 году), о котором в советской литературе не писали. Старшее поколение знает его только по слабенькой гэдээровской военной комедии «Мой нулевой час», но вряд ли кто-то задумывался над смыслом этого выражения. А вот для немцев «нулевой час» значит многое. Одномоментное крушение уклада жизни. Полное изменение реальности. Обнуление. Пропажа всего. Японцам, по крайней мере, оставили их императора. Немцы утром 9 мая 1945 года оказа-

лись голыми практически во всех смыслах этого слова. Автор заглядывает и в эти печальные дни, когда «черное стало белым, а белое – черным». Наиболее интересная трансформация происходила не со взрослыми, которые умели как-то приспособливаться к меняющейся обстановке, а с представителями молодого поколения, которые родились при нацистах и другой Германии не знали. Оказывается, эту трансформацию зафиксировали в начале 1946 года, когда шок от наступивших перемен и травмы войны еще жгли сердца юношества. Результаты опросов, проведенных среди нескольких тысяч старших школьников, позволяют поставить под сомнение пользу денацификации, в те же дни осуществлявшуюся в западных зонах оккупации. Возможно, советский подход к проблеме, в рамках которого явных преступников жестоко наказали, а остальным просто сообщили, что они живут в новой стране, и не стали вырабатывать у них комплекс вины, оказался более щадящим и результативным в плане избавления восточных немцев от нацистской химеры.

Введение

Эта книга собрана из научно-популярных очерков, напечатанных в российских СМИ в 2014–2018 годах. Но почему именно о Третьем рейхе? И чем обусловлен такой выбор сюжетов? Чтобы ответить на эти вопросы, мне придется немного рассказать о собственном ремесле. Научная журналистика – весьма своеобразная профессия. Претензии к ней имеют и ученые, и журналисты, хотя задача ее полезная и почетная – доносить до широкой аудитории смысл того, что происходит в науке. Ученые пишут друг для друга, а научный журналист пишет об их изысканиях (иногда и вместе с ними) для несколько странного, неопределенного субъекта, который называется общественность или массовая аудитория.

Один из коронных жанров научной журналистики – лонгрид, большая статья. Часто (хотя и не всегда) лонгриды опираются на последние научные исследования, опубликованные в виде статей в международных рецензируемых журналах. С сюжетами по естественным наукам сложностей обычно не возникает. Существует отлаженная система трансляции открытий: от журналов (начиная с топовых *Science* и *Nature*) к пресс-релизам – и далее к средствам массовой информации (как специализированным, так и общего профиля). С социальными и гуманитарными науками все сложнее: отработанных каналов коммуникации у них немного.

Работая в российских СМИ, я стал одним из первых, кто попытался распространить жанр лонгрида на гуманитарные науки, прежде всего историю. И тут всплывает важный для научной журналистики аспект – привлекательность материала. Одних только высокостатусных журналов по истории в мире несколько сотен. Конечно, они выходят не с периодичностью *Science*, не раз в неделю, а раз в три-четыре месяца, но их очень много. О чем же писать? Сложность выбора темы усугубляется и тем, что в гуманитарных исследованиях бывает сравнительно немного открытий, благодаря которым логика работы СМИ (писать о новом) совпадает с логикой науки. В науках о человеке и обществе редко открывают новые законы, физические объекты, причинно-следственные связи – чаще речь идет о новой интерпретации, новом понимании материала.

Далее маяком становится логика читательского интереса. Научному журналисту приходится не только думать об оригинальности и убедительности научной статьи, степени ангажированности и спекулятивности ее аргументов; не только оценивать, пустышка ли перед ним, добротный материал среднего уровня или нечто прекрасное и «прорывное». Второй, после качества именно научной аргументации, критерий – это подача выбранного сюжета: насколько выбранный ученым сюжет хорошо рассказан. Конечно, можно сделать увлекательный текст и из сухого, техничного повествования о бусах эпохи неолита или о демографической статистике

Швеции XVIII века, но... Фактически я вернулся к очень древнему восприятию истории: она хороша тем, что рассказывает интересную историю. *History should tell a good story.*

И, наконец, третий критерий, самый реалистически-циничный. Если научный журналист пишет не о каком-то значимом для всех открытии, которое само по себе является сенсацией, ему приходится думать о том, насколько избранная тема вообще способна заинтересовать публику. История, например, сасанидской Персии или гендерных отношений в средневековой Испании, конечно, может дать занимательные сюжеты, но, увы, они слишком далеки от жизненного мира и интересов русскоязычной аудитории. Вторая мировая война, гитлеровская Германия – эти темы, напротив, гарантируют некое безусловное внимание и даже политическую остроту, как уверяли меня редакторы. Я писал о самых разных исторических эпохах и сюжетах, но Вторая мировая и Великая Отечественная война часто были приоритетными.

И вот, ориентируясь на проблематику этих событий, прочесывая десятки номеров исторических журналов, я получил определенный опыт и стал замечать некие закономерности новейшей (2010-е годы) историографии Третьего рейха¹. Что обращает на себя внимание прежде всего?

¹ Я, разумеется, не претендую на репрезентативность выборки исследований и даже на систематичность обзора литературы. При этом информативность книги не страдает от того, что я работал со статьями в англоязычных журналах. Языком современной мировой науки, и в том числе историографии, все больше становится английский, и немецкие исследователи вполне встроены в эту систему.

Во-первых, пестрота сюжетов, во многом необычная для российского читателя, привыкшего к определенной монополии большой политики, экономики и войны. Пишут не только и не столько об СС, вермахте, Гитлере, Гиммлере и других бонзах; о танках, самолетах, разведке... но и о многоликой повседневности, развлечениях, гендерных сюжетах; о тактике блицкрига на футбольном поле; о жизни испанских медиков на Восточном фронте; о романтических отношениях итальянцев с немками в 1944 году; о восприятии суда Линча нацистской пропагандой...

Во-вторых, окончательное размывание и даже разрушение теоретической модели тоталитаризма. Третий рейх все реже видится и описывается как всесильное государство, подчинившее своей власти все сферы жизни, державшее под колпаком каждого гражданина, менявшее экономику и общество в угоду собственным прихотям. Наоборот! Вырисовывается картина постоянного сопротивления этой власти, многочисленных уловок, позволявших простым людям вести свою игру на любых уровнях. Да и сами государственные структуры оказываются не столь уж одержимыми планами тотального контроля. Гестапо крайне неохотно ведет дело «лесбиянки» из Нюрнберга, в результате чего доносы соседей, раздраженных ее асоциальным образом жизни, начинают играть куда более значимую роль в трагической судьбе женщины, нежели действия тайной полиции. Сподвижники Гиммлера предпринимают робкие попытки внедрить ан-

тинаучную (зато идеологически верную) доктрину вечного льда в академический мейнстрим, но эти попытки сталкиваются с таким ожесточенным сопротивлением инженеров и техников, что рейхсфюреру приходится убирать товарищей в недра своего «Аненербе», чтобы их не разгромили публично.

Третий рейх сейчас описывается историками как поликратическое государство: разлаженная, конкурентная, гетерогенная система, в рамках которой разного рода структуры с пересекающимися полномочиями вели постоянную аппаратную борьбу, продвигали собственные планы и «топили» друг друга. Причем исключением не стали даже те вопросы, в которых нацистский режим вроде бы был нацелен на предельную эффективность, например организация холокоста. Иногда даже кажется, что в сталинском СССР степень централизации, способность проводить единую линию руководства были выше.

И последнее – пожалуй, самое важное. Видно, как историкам сложно найти язык, на котором можно говорить об абсолютном зле и одновременно сохранять объективность собственной исследовательской позиции. В сюжетах, собранных в этой книге, есть своего рода мораль: все сложно и неоднозначно. Не в смысле, что зло – не такое уж и зло; речь о том, что судьбы людей складывались очень по-разному, нетривиально, не по клише вроде: злая власть давит героических одиночек. До читателя доводится мысль о сложности

исторической реальности, но эта мысль не исключает того, что Третий рейх, особенно в последние пять лет своего существования, если и не был воплощением абсолютного зла, то вполне приблизился к этому образу.

И вот по такому узкому канату над пропастью и идут историки. Понимая, что действия изучаемого государства являются абсолютным злом, они стараются уйти от простых человеческих моделей восприятия зла: закрыть глаза, возмутиться, заклеить, — они пытаются понять, как это зло возникло, по каким принципам работало и что смогло его победить.

Мне хотелось бы выразить благодарность Илье Усову, Алексею Гореславскому и Даниилу Кузнецову — без их помощи и поддержки вошедшие в книгу тексты никогда не увидели бы свет; Петру Каменченко, Илье Крамнику, Константину Богданову и Алексею Куприянову — за бесценные отклики, советы и беседы по историческим вопросам; Алексею Хвостову и Марине Невражиной (*Lenta.ru*) — за чуткую редакторскую работу; Игорю Бурмакину, Марии Косаревой и Илье Миронову (*Lenta.ru*) — за высокое мастерство бильд-редактора; Роману Переборщикovu — за возможность издать эту книгу; наконец, Григорию Пернавскому — за поддержку, комментарии и готовность взять на себя роль научного редактора и Александре Докукиной — за неоценимую помощь в редактировании и подготовке рукописи к печати.

Часть I. Режим за работой

1. Блицкриг на футбольном поле: как в Германии перестраивали спорт на национал-социалистический лад²

Почти во всех авторитарных и тоталитарных государствах XX века вожди и диктаторы высоко ценили спорт и использовали его в интересах режима – для укрепления морального духа населения, физической подготовки граждан (будущих солдат). Наконец, спортивные состязания выступали эрзацем реальной войны с идеологическими противниками на международной арене: можно вспомнить хотя бы противостояние советской и чехословацкой сборных на чемпионате мира по хоккею 1969 года (на следующий год после вторжения войск стран Варшавского договора в Чехословакию). Однако истории почти неизвестны политически мотивированные попытки менять правила спортивных игр. Что касается футбола, ФИФА всегда жестко следила за неприкосно-

² Первый вариант материала опубликован в издании Lenta.ru (17.09.2014): Блицкриг на футбольном поле. Как в Германии попытались перестроить игру на национал-социалистический лад (<https://lenta.ru/articles/2014/09/17/footballblitz/>).

венностью системы, и все немногочисленные реформы прошлого века были далеки от идеологии. Они преследовали другую цель – уменьшить хаотичность игры, повысить ее динамичность и зрелищность.

В Третьем рейхе футбол долго оставался вне политики. Высшие лица государства подчеркивали его развлекательный характер, призванный отвлечь население от тягот повседневной жизни (особенно во время войны). Именно поэтому примечательна единственная попытка радикально переделать футбол, предпринятая в годы максимального успеха немецкого оружия, – уподобить его блицкригу, изменить правила в сторону «правильной» германской агрессивности и воинственности, милитаризировать игру. Но планы национал-социалистических любителей футбола натолкнулись на дипломатичное сопротивление профессиональных тренеров... Этот сюжет известный немецкий историк спорта Маркварт Херцог (Швабская академия в Ирзее, Германия) раскрыл на страницах журнала *The International Journal of the History of Sport*³.

³ Herzog M. *German Blitzkrieg Football Against the English "Wall Tactic": The Football System Dispute in the German Empire 1939–1941 // The International Journal of the History of Sport*. 2014. Vol. 31. N 12. P. 1489–1508.

Еврейская и пацифистская система «дубль-вэ»

В декабре 1940 года рейхсшпортфюрер (имперский спортивный руководитель) и председатель обоих союзов физкультуры рейха (Имперского и Национал-социалистического) Ганс фон Чаммер унд Остен, который сам был неплохим футболистом и страстным болельщиком, опубликовал в нескольких газетах манифест об идеологической перестройке спорта и прежде всего футбола. Реакция последовала незамедлительно. В этом же году баварский шпортбейхсфюрер (местный партийный уполномоченный по делам спорта) Карл Оберхубер выступил с инициативой по милитаризации футбола и превращению игры в агрессивный блицкриг, достойный победителя в европейской войне. Он родился в семье фельдфебеля, батальонного секретаря, в 1900 году, провел детство в казармах Ингольштадта, окончил реальное училище и ушел добровольцем на Первую мировую войну. Уже в 1922 году он вступил в НСДАП, стал штурмовиком (членом СА) и даже успел поучаствовать в Пивном путче – правда, не шел за «кровавым знаменем»⁴, а

⁴ Пивной путч – неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая НСДАП 9 ноября 1923 года в Мюнхене. «Кровавое знамя» – флаг со свастикой, который использовался путчистами. Знамя было забрызгано кровью убитых штурмовиков, в честь чего и получило свое название. Стало одним из атрибутов нацистской власти.

всего лишь разбрасывал листовки из кузова грузовика. Средства к существованию Оберхубер добывал, работая в различных мелких фирмах. В 1920-е его посадили за хулиганство, но в 1930-х годах по протекции всемогущего гауляйтера (высшего руководителя НСДАП областного уровня), а также министра внутренних дел Верхней Баварии Адольфа Вагнера он выбился из грязи в князи и к 1937 году вырос до руководителя местного отделения Немецкого имперского союза физической культуры, правительственного надзирателя за спортом и начальника штаба самого гауляйтера.

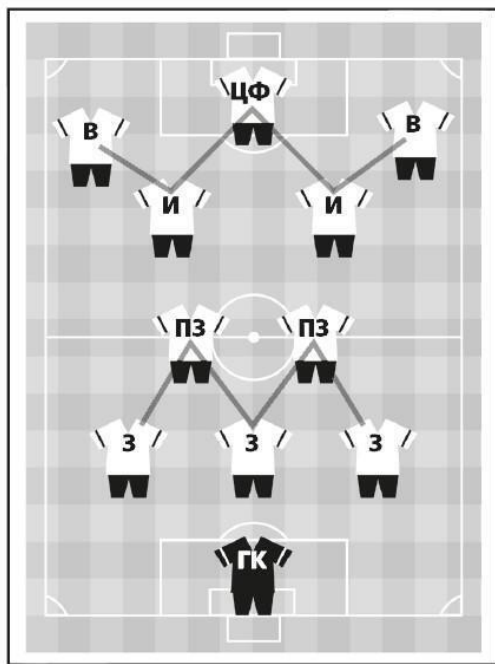

Ганс фон Чаммер унд Остен

Главным врагом Оберхубера оказалась тактическая схема с тремя защитниками («W-M», или «дубль-вэ»). Эта система, изначально английская, утвердилась в немецком футболе уже в конце 1920-х годов. Случилось это в результате изменений в правиле офсайда, принятых ФИФА в 1925 году с целью сделать игру более зрелищной (за счет увеличения результативности). Согласно изменениям, игрок не был вне игры, если в момент передачи мяча (на него) перед ним стояло как минимум два футболиста (то есть в большинстве случаев – вратарь и один защитник). До этого правило предусматривало трех игроков. Таким образом, защитники теперь действовали на свой страх и риск, ведь за ними находился только вратарь. В результате число забитых мячей в матчах английской лиги выросло почти на треть. В ответ на эти нововведения легендарный тренер «Арсенала» Герберт Чепмен и придумал схему «дубль-вэ»: он решил оттянуть центрального полузащитника в центр обороны и играть в три защитника.

Хотя правило о положении вне игры нельзя было изменить без одобрения ФИФА, Оберхубер все равно жаждал построить агрессивный футбол и не только вернуть центрального защитника в середину поля, но и играть шестью или даже семью форвардами. Впрочем, при всей революционности риторики баварца, по сути, он предлагал повернуть время

назад, к футболу его юности, когда нападающие всей массой толклись у ворот соперника.

ГК	Голкипер
З	Защитник
ПЗ	Полузащитник
И	Инсайд
В	Вингер
ЦФ	Центрфорвард

Тактическая схема с тремя защитниками («W-M», или «дубль-вэ»)

Спортивная пресса рейха с энтузиазмом восприняла идеи шпортберейхсфюрера. Схема с тремя защитниками шельмовалась как иностранная, английская, пацифистская, де-

мократическая или даже еврейская. «Когда армия Гитлера сокрушила великие державы в атаках беспрецедентной силы, афоризм “нападение – лучшая защита” наполнился новым смыслом – именно применительно к футболу», – писал Оберхубер в своем манифесте.

Нападение и оборона

Надо сказать, что образы блицкрига в спорт приносили не только партийные функционеры. Победоносные кампании 1939–1940 годов были так раскручены пропагандой, что их пафос проник не только в фильмы и радиопередачи, но и в футбольные репортажи. Например, сенсационную победу венского «Рапида» над «Шальке 04» (Гельзенкирхен) в финале Бундеслиги со счетом 4:3 один комментатор назвал «кровавой бойней на поле». Ему вторил другой: «Это был блицкриг в истинном смысле слова, голы ударяли как молнии». Действительно, нападающие «Шальке 04» забили два гола в самом начале матча, а остальные пять мячей, из которых немецкой команде принадлежал уже лишь один, влетели в сетку ворот за первые 14 минут второго тайма. Атакующий стиль двух клубов стал для прессы подтверждением правильности реформы Оберхубера. Однако милитаристские образы взяли на вооружение и ее противники: в футболе, как и на войне, для победы требуется не только мощное нападение, но и эффективная защита – «зенитные батареи»

и «линия Зигфрида», – утверждали они.

Матч Германия – Югославия (1939)

Болельщики «Шальке 04». На табло окончательный счет матча

Отдельного упоминания заслуживают (непредсказуемые) исторические параллели между инициативой Оберхубера и планами Гитлера. Манифест был опубликован в конце декабря 1940 года, как раз когда в обстановке секретности был утвержден план «Барбаросса» (Директива № 21). В отличие от неожиданно удачного блицкрига французской кампании 1940 года, который в реальности являлся чистой импровизацией, в план нападения на СССР Гитлер и его генералы изначально закладывали идею молниеносной войны. Кроме того,

«образцово-агрессивный» матч между «Рапидом» и «Шальке 04» прошел как раз 22 июня 1941 года. Болельщики, собравшиеся на берлинском стадионе, заслушали официальное сообщение о начале войны с Советским Союзом⁵.

Реванш рейхстренера

У шпортберейхсфюрера нашелся сильный противник — глава национальной сборной Йозеф Хербергер. Трехлетний конфликт из-за того, каким должен быть футбол Третьего рейха, вообще не упоминается в биографиях Хербергера, который сделал блистательную карьеру уже в ФРГ. В 1954 году он привел западногерманскую команду к чемпионскому титулу на Кубке мира: в финальном матче немцы победили великолепных венгров со счетом 3:2 (знаменитое «Бернское чудо»). Как и Оберхубер, Хербергер прошел окопы Первой мировой — но не добровольцем, а призывником. Никакого энтузиазма по поводу войны он не испытывал, наград и повышений не получил, служил радистом вдали от линии фронта, играл за военные клубы и часто брал увольнительные, чтобы участвовать в матчах. Во время Второй мировой войны, уже став тренером, Хербергер вспомнил этот опыт и старался не допускать отправки профессиональных футболистов на фронт, а также крайне скептически относился к

⁵ Это было повторное сообщение, первое германское радио сделало еще рано утром. — *Примеч. ред.*

милитаризации спорта. Рейхстренером бывший игрок «Мангейма» и берлинской «Теннис-Боруссии», получивший высшее спортивное образование, стал в 1936 году, после поражения сборной на берлинской Олимпиаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.